

СПЕЦИФИКА МОЛЧАЩЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ В ДИСКУРСЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В.В. Кичигина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kichigina@bsu.edu.ru

Гуманитарное исследование по умолчанию предполагает лежащую в его основе антропологию. В настоящее время нет области лингвистических исследований, которая не приобрела бы антропоцентрической направленности, и наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем. Именно текст является ключевым понятием для антропологической направленности лингвистических исследований, поскольку «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциально)» (Бахтин 1979: 301). Иными словами, «если структурная лингвистика в познании языка исходила из статики слов и их грамматических форм, то языковая прагматика, опираясь на когнитивную лингвистику, в основу лингвистического исследования ставит *образ человека...*, исходит из его практических и коммуникативных действий» (Алефиренко 2011: 16).

Интересной площадкой для исследований такого рода представляется творчество Ф.М. Достоевского, антропоцентричное по своей природе и стремящееся к драматургичным формам выражения. В этой связи изучение особенностей дискурсивного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» может дать ценный опыт наблюдения с выявлением закономерностей взаимодействия форм коммуникативного общения в структуре полифонического целого.

Как известно, вопрос о принципах и единицах дискурс-анализа пока ещё остаётся открытым, поэтому представляется целесообразным уточнить понятие дискурса и тесно связанное с ним понятие диалога.

В общекультурном аспекте под дискурсом понимается «сложное духовное целое, включающее в себя в качестве своего предметно-смыслового содержания некий инфратекст, некое транстекстуальное архитектурное задание, которому присуща неотъемлемая для данного рода креативно-рецептивной деятельности императивная функция» (Бабаян 2008: 283). Дискурс как лингвистическое понятие представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов сознания (когнитивных процессах). Дискурс – «речь, погружённая в жизнь» (Арутюнова 1998: 136-137). Следовательно, можно рассматри-

вать в качестве дискурса роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» как «событие в событии»: жизнь, загущённую до художественного целого и погружённую в контекст его бытования.

Диалог как одна из основных форм дискурса представляет собой «форму устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевую коммуникацию посредством обмена репликами» (БЭС, т.1, 1991: 388). Диалог можно рассматривать как интеракционную единицу дискурса, важную составляющую речевого события, определяющую его специфику.

Об онтологической сущности диалога у Ф.М. Достоевского, вслед за М.М. Бахтиным, принято говорить уже как об общем месте его поэтики. Целый ряд исследователей подробно изучают формы диалога, классифицируют его, пытаясь постичь форму гениальности «реализма в высшем смысле». Не будет исключением и данное исследование, в котором поставлена цель ответить на вопрос о функции молчащего наблюдателя в диалоге как существенной части дискурсивного целого «Братьев Карамазовых».

Молчание – своеобразная оппозиция проговору, хотя в структуре диалога может играть существенную роль. Как подмечено В.Н.Бабаяном, «диалог как важнейшая форма языкового общения людей часто используется в присутствии – явном или неявном – МН (молчащего наблюдателя. – В.К.). Хотя молчащий наблюдатель может и не принимать непосредственного участия в двустороннем речевом обмене, он так или иначе оказывает на него влияние. В этой связи интересно рассмотреть, каким образом функция молчания задействована во всеобщем диалоге у Достоевского, и какую позицию занимает молчащий наблюдатель по отношению к субъекту говорения.

Роман «Братья Карамазовы» завершает творческий путь Ф.М. Достоевского и представляет собой фокус всех его философских и художественных поисков. По мысли писателя, это роман об отцах и их теперешних детях, посвящённый Анне Григорьевне Достоевской – жене и матери его собственных детей. История семьи здесь – это история России, взятая на срезе прошлого и настоящего. Отечество как отцовство, с одной стороны, сакрально своей проекцией связи с отцом небесным, с другой стороны, уязвимо ощущением силы «низости карамазовской».

Уже во второй книге романа – «Неуместное собрание» – противоречия «случайного семейства» обостряются до крайней степени, заставляя задуматься о поиске возможного выхода. С этой целью действующие лица решают собраться в келье старца с тем, чтобы разобраться в претензиях друг к другу отца – Федора Павловича Карамазова – и его старшего сына Дмитрия. *«Федор Павлович, кажется, первый и, кажется, шутя подал мысль о том, чтобы сойтись всем в келье старца Зосимы и, хоть и не прибегая к прямому его посредничеству, все-таки как-нибудь сговориться приличнее, при чем сан и лицо старца могли бы иметь нечто внушающее и примирительное.»* (Достоевский 1991: 61)

скажет старец, но, кажется, готовились уже встать как Миусов. Алеша готов был заплакать и стоял, понуриив голову. Всего страннее казалось ему то, что брат его, Иван Федорович, единственно на которого он надеялся и который один имел такое влияние на отца, что мог бы его остановить, сидел теперь совсем неподвижно на своем стуле, опустив глаза и, по-видимому с каким-то даже любознательным любопытством ожидал, чем это все кончится, точно сам он был совершенно тут посторонний человек. На Ракитина (семинариста), тоже Алеше очень знакомого и почти близкого, Алеша и взглянуть не мог: он знал его мысли» (Достоевский 1991: 74). Таким образом, три человека в данной ситуации выступают в роли молчащих наблюдателей, функция которых ситуативно непроявлена: приехавший с Миусовым молодой человек Калганов, послушник, сопровождающий старца, и семинарист Ракитин.

Всех присутствующих в келье можно условно разделить на три концентрических круга, в центре которых находится старец: ближний круг активных речевых коммуникантов (Фёдор Павлович и Миусов), средний круг невербальных коммуникантов (Алёша, Иван, отец Паисий. Отец Иосиф) и дальний круг молчащих наблюдателей (послушник, Калганов, Ракитин). Смежной фигурой на границах данных кругов можно считать Алёшу, через призму которого даётся оценка степени участия как вербальных («Алеша готов был заплакать и стоял, понуриив голову» – это реакция на слова отца), так и невербальных коммуникантов и их связь с молчащими наблюдателями через Ракитина, на которого «Алеша и взглянуть не мог», но, соответственно, держал и его в поле зрения (рис. 2).

Функция Алёши как рецептивного центра объяснима той ролью, которая будет отведена ему в романе – по замечанию автора, он и является главным героем, но пока ещё только потенциальным: «Дело в том, что это пожалуй и деятель, но деятель неопределенный, не выяснившийся» (Достоевский 1991: 27). Он пока ещё молод и полон смешанных чувств: любви и стыда за отца, надежды и недоумения по поводу Ивана, обожания старца. Таким образом, эксплицитность его присутствия обусловлена имплицитной функцией его будущей деятельности. Всё, что происходит в настоящем в келье, развернётся в будущем не только для Алёши, но и для каждого из героев. Следовательно, граница между эксплицитным и имплицитным участием в данном дискурсе достаточно условна.

Наиболее адекватен событию настоящего дискурса «старый шут» – Фёдор Павлович Карамазов, самый активный речевой коммуникант в диалоге. Именно ему принадлежит идея встретиться в келье у старца – площадке, где, по свидетельству многих, происходит таинство соединения человека с некоей высшей волей. Фёдор Павлович устраивает спектакль, замешанный на юродстве, богохульстве и сладострастии. Он выступает как провокатор по отношению ко всем присут-

ствующим, имея в виду главную свою цель – испытать старца. Скабрезный подтекст его «исповедальных» речей вызывает бурную реакцию у целого ряда лиц, в первую очередь, у Миусова, «случайно» оказавшегося участником данного события. Именно Миусов и старший Карамазов максимально вербализуют ситуацию данного дискурса, задействуя при этом в качестве посредника старца, выступающего в роли молчащего наблюдателя («Старец молча разглядывал того и другого»).

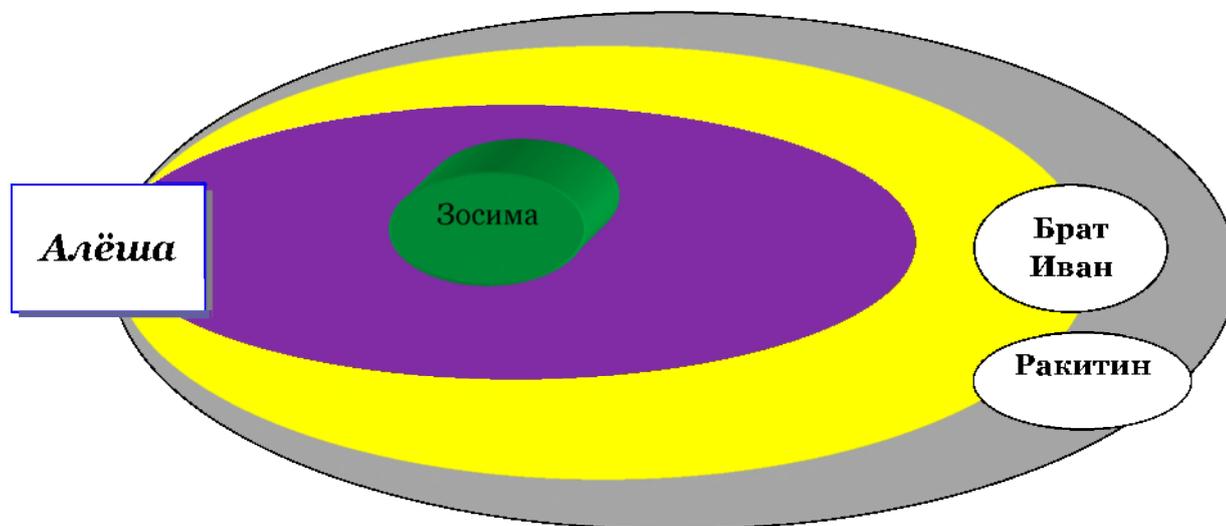

Рис. 2. Рецепция дискурса «Неуместное собрание»

– Ровнешенько настоящий час, – вскричал Федор Павлович, – а сына моего Дмитрия Федоровича все еще нет. Извиняюсь за него, священный старец! (Алёша весь так и вздрогнул от “священного старца”.) Сам же я всегда аккуратен, минута в минуту, помня, что точность есть вежливость королей...

– Но ведь вы по крайней мере не король, – пробормотал, сразу не удержавшись, Миусов.

– Да, это так, не король. И представьте, Петр Александрович, ведь это я и сам знал, ей-богу! И вот всегда-то я так некстати скажу! Ваше преподобие! – воскликнул он с каким-то мгновенным пафосом: – Вы видите перед собою шута, шута воистину! так и рекомендую (Достоевский 1991: 72).

Эта направленность на провокацию старца подчёркивается обилием обращений, которые использует Фёдор Павлович по отношению к нему: «великий старец», «ваше преподобие», «священный старец», «учитель», «благословенный отец», «блаженный человек», «ангел вы мой», «блаженнейший человек». Это резко контрастирует с формой обращения к своему, казалось бы, основному собеседнику Миусову – «Пётр Александрович» – формой, лишённой любой эмоциональной окраски. Миусов не интересует Карамазова, он ему понятен и служит лишь фоном, на котором старый шут разыгрывает свой спектакль перед старцем.

Именно в присутствии Зосимы ему важно говорить. Это подчёркивает последняя реплика перед самым уходом Зосимы: *«Старец направился к галерее, чтобы благословить ожидавших его. Но Федор Павлович все-таки остановил его в дверях кельи:*

– Блаженнейший человек! – вскричал он с чувством, – позвольте мне еще раз вашу ручку облобызать! Нет, с вами еще можно говорить, можно жить! Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю? Знайте же, что это я все время нарочно, чтобы вас испытывать, так представлялся. Это я все время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смиренню есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить! А теперь молчу, на все время умолкаю. Сяду в кресло и замолчу. Теперь вам, Петр Александрович, говорить, вы теперь самый главный человек остались... на десять минут...» (Достоевский 1991: 78)

Фёдор Павлович видимо побеждён смирением старца, вербально он проявлен полностью, его событие говорения завершено. Завершена и первая часть дискурса, сюжетно прерванная уходом старца, содержательно – окончанием первого акта спектакля старшего Карамазова.

Здесь уместно вернуться к вопросу о функции Зосимы, давшему возможность проявиться в своём пространстве двум бездуховным лицам. Выяснение данной функции невозможно без обращения к V главе «Старцы» предыдущей книги «История одной семейки». Именно там говорится о роли старца в духовной жизни человека, выбравшего смыслом жизни общение с ним. *«Старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою. Вот почему во многих монастырях старчество у нас сначала встречено было почти гонением. Между тем старцев тотчас же стали высоко уважать в народе. К старцам нашего монастыря стекались например и простолюдины и самые знатные люди с тем, чтобы, повергаясь пред ними, исповедовать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания, и испросить совета и наставления. Видя это, противники старцев кричали, вместе с прочими обвинениями, что здесь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповеди, хотя беспрерывное исповедование своей души старцу послушником его или светским производится совсем не как таинство»* (Достоевский 1991: 57-58). Таким образом, общение со старцем – это непрерывная публичная исповедь, в результате которой человек должен обрести себя, предварительно полностью доверив свою жизнь и волю воле старца. Старец посредством духовидения выводит доверившегося ему на истинную дорогу, которая часто скрыта от человека и представляется в формах, часто далеко отстоящих от необходимых его душе.

О Зосиме, которого уже при жизни многие почитали почти за святого, говорили *«что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, – до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорли-*

вость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, *прежде чем тот молвил слово*» (Достоевский 1991: 58). Таким образом, самому Зосиме акт вербальной коммуникации не нужен – он считывает информацию на другом уровне. Очевидно, что «неуместное собрание» (так называется книга, описывающая данное события) необходимо самим его участникам для максимального проявления в поле старца. Только здесь они могут пребывать в состоянии публичной исповеди, желая или не желая того.

Испытание этой исповедью на трёх стадиях данного дискурса пройдут те герои, которые окажутся причастны к грядущему отцеубийству: помимо самого Фёдора Павловича, его старший сын Дмитрий и средний сын Иван. Каждый из них обнажит свои сокровенные мысли в пустоте старца и получит своё благословение, вербальное (напутствие Фёдору Павловичу и Ивану Фёдоровичу) или невербальное (поклон Дмитрию). Зосима прозревает грядущее преступление и показывает Алёше расстановку сил, зная, что это единственная возможность, поскольку предчувствует свою скорую смерть и связанное с ней падение Алёши. Таким образом, старец как полноценный участник диалога в келье неуловим – относительно собравшихся он находится в другом времени. Относительно одномерности или двумерности их проявления он объёмен (см. рис. 2). Поэтому его функция как молчащего наблюдателя тоже не помещается в линейную схему: размыта граница внутреннего и внешнего присутствия, имплицитности и эксплицитности.

Подобным образом можно рассмотреть функцию молчащих наблюдателей дальнего круга, которые присутствуют в ситуации скандала ничем внешне не мотивированно. Это, прежде всего, Калганов и Ракитин. Их сближает возраст – они молоды. Повествователь подчёркивает юный возраст Калганова трижды – при первом знакомстве с ним и дважды в сцене, связанной с арестом Дмитрия. *«Прибыл Петр Александрович Миусов, со своим дальним родственником, очень молодым человеком, лет двадцати, Петром Фомичом Калгановым. Этот молодой человек готовился поступить в университет; Миусов же, у которого он почему-то пока жил, соблазнял его с собою за границу, в Цюрих или в Иену, чтобы там поступить в университет и окончить курс. Молодой человек еще не решил. Он был задумчив и как бы рассеян»* (Достоевский 1991: 64) Калганов неопытен и только пытается определиться с будущей деятельностью. На этом этапе очень важно, под чьим влиянием он окажется – либерала 40-50-х годов Миусова или же «раннего человеколюбца» Алёши, с которым приятельствует.

Ракитина Алёша тоже считает своим приятелем, хотя он является противоположностью Калганову и по формам проявления тяготеет, скорее, к Смердякову, презирая своего отца-священника и завидуя дворянской свободе проявления Карамазовых. Это тоже молодой че-

ловек, «лет двадцати двух», некая тень Алёши, персонифицированная худшая сторона. Напомним, что во время разговора Алёша даже боялся взглянуть в его сторону, слишком хорошо зная его мысли.

Эти два молодых человека становятся молчаливыми наблюдателями происходящего действия неслучайно: им дана возможность не только наблюдать, но и определиться относительно сторон, участвующих в диалоге. Особенность происходящего в келье у старца можно назвать цепным проявлением: старец проявляет старшего Карамазова, который, в свою очередь, проявляет Миусова. Пётр Александрович, имеющий видимо привычки порядочного человека, по сути оказывается двойником Фёдора Павловича, по-своему сладострастно убивающим веру в молодых людях. Неслучайно повествователь, характеризуя его отношение к Калганову, употребляет глагол «соблазнял». Ряд анекдотических реплик, направленных Фёдором Павловичем в его сторону, обнажает это его качество.

«Федор Павлович патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всем, что он опять представляется. Но Миусов все-таки был больно уязвлен.

– Какой вздор, и все это вздор, – бормотал он. – Я действительно может быть говорил когда-то... только не вам. Мне самому говорили. Я это в Париже слышал, от одного француза, что будто бы у нас в Четы-Миней это за обедней читают... Это очень ученый человек, который специально изучал статистику России... долго жил в России... Я сам Четы-Миней не читал... да и не стану читать... Мало ли что болтается за обедом?.. Мы тогда обедали...

– Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял! – поддразнивал Федор Павлович.

– Какое мне дело до вашей веры! – крикнул было Миусов, но вдруг сдержал себя, с презрением проговорив: – вы буквально мараете все, к чему ни прикоснетесь.

Старец вдруг поднялся с места...» (Достоевский 1991: 77-78)

Контраст между невнятным бормотанием, перемежаемым многоточиями, и неожиданный выкрик истинной мысли «Какое мне дело до вашей веры» характеризуют просвещённого либерала вполне. Это обстоятельство подчёркнуто и внезапным движением старца, прекратившего разговор, в продолжении которого дальше не было смысла.

Тип либерала европейского толка в качестве воспитателя «русских мальчиков» беспокоил Достоевского. В полной мере развитие этой темы представлено в романе «Бесы». В данной сцене посредством диалога обнажено два полюса зла: русский европеец и русский шут, а молодым людям, чьё время ещё не настало, предложено выбрать между ними или отказаться от выбора в пользу непроявленного третьего. Таким образом, функция молчащего наблюдателя дальнего круга в данном случае тоже не может быть определена из настоящего события говорения, непосредственного акта речевой коммуникации. Она лонгируется в будущее набором впечатлений настоящего, события которого могут послужить причиной сюжета, развёрнутого во вто-

ром романе. Действие этого романа должно было развернуться тринадцать лет спустя, значит, Калганову, как и Алёше Карамазову, исполнится тридцать три года – возраст, неизбежный для демонстрации выбора пути через поступок для героя, находящегося в координатах большого евангельского времени.

Таким образом, происходящее в келье сейчас останется в памяти каждого из участников как загущённое воспоминание о чём-то очень важном, но нерасшифрованном до срока (подобно тому, как запомнил Алёша свою мать в косых лучах заходящего солнца). Придёт время – через тринадцать лет – и происходящее неуместное собрание, свидетелями которого они являются в данный момент, определит поступки молчащих наблюдателей. Следовательно, хронотоп данного дискурса расширен именно за счет молчащих наблюдателей.

Иной характер имеет функция последнего молчащего наблюдателя дальнего круга – сопровождающего старца послушника Порфирия. В авторских ремарках нет описания ни его возраста, ни портрета, ни какой бы то ни было реакции на происходящее. Тем не менее, его присутствие в келье достаточно определёнno: *«Старец Зосима вышел в сопровождении послушника и Алёши»* (Достоевский 1991: 70) Абсолютно молчащий послушник помогает передвигаться больному старцу и пространственно отделяет от Зосимы Алёшу, который стремится максимально сократить своё расстояние до старца. Действия Алёши во многом дублируются послушником: *«Он (старец. – В.К.) пошел из кельи, Алёша и послушник бросились, чтобы свести его с лестницы»* (Достоевский 1991: 78). Алёша хочет быть необходимым Зосиме, но тот отправляет его в мир, к отцу и братьям, и в дальнейшем из монастыря: *«Усевшись, он (Зосима – В.К.) пристально и как бы обдумывая нечто посмотрел на Алёшу»*.

– *Ступай, милый, ступай, мне и Порфирия довольно, а ты поспеши. Ты там нужен, ступай к отцу игумену, за обедом и прислужи.*

– *Благословите здесь остаться, – просящим голосом вымолвил Алёша.*

– *Ты там нужнее. Там миру нет. Прислужишь и пригодишься...»* (Достоевский 1991: 116).

Алёша хочет остаться возле старца, он, как его духовное дитя, чувствует себя под защитой Отца Небесного. Гарантом защиты выступает Зосима, в чудесную силу которого Алёша верит безоговорочно. Именно старцу он хочет быть полезным, поддерживая того в его немощи и болезни. Однако духовидец прозревает совсем иную судьбу героя, к которой его и направляет, а в качестве телесной поддержки ему «и Порфирия довольно». Порфирий, таким образом, – это персонифицированная возможность свободного передвижения Алёши, освобождающая его от обязанности постоянно находиться при старце. Младший Карамазов очень привязан к Зосиме лично, он пока ещё не может самостоятельно отделить духовное общение от телесного, к тому же он страстен, как все Карамазовы, и эта страстность иногда мешает ему исполнить предназначение, очевидное для старца. Наличие Порфирия отделяет героя от

тела умирающего кумира и даёт возможность исполнить послушание без внутреннего протеста. Таким образом, послушник Порфирий – это единственный молчаливый наблюдатель в границах данного дискурса, чья функция ограничена точкой настоящего и не требует развёртки с выходом в большое романное время.

Как видим, дискурсивная функция участников данного диалога достаточно сложна. Её характерной особенностью является подвижность границ эксплицитного и имплицитного проявления, вербального и невербального участия. Бытовое столкновение (имущественная претензия) становится поводом для развёртки глобального конфликта поколений, потерявших ощущение единства как в малом, так и в большом времени России. Каждая реплика может быть прочитана на разных уровнях в зависимости от реципиента, взятого за начало отсчёта. Семейный конфликт, развёрнутый в пространстве духовного провиденциализма, выходит за рамки привычного топоса и становится знаком грядущего апокалипсиса. Каждый участник данного события таким образом становится частью иного – большего – дискурсивного единства, разомкнутого хронально и объединённого идеологически авторской целевой установкой.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов. – М.: Флинта: Наука, 2011. С.16-27.

Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д.Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1998. С. 136-137.

Бабаян, В.Н. Диалог в триаде с молчаливым наблюдателем: монография / В.Н. Бабаян. Международный университет бизнеса и новых технологий. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. 290 с.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. 423 с.

Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Правда, 1991. 416 с.

Summary. The article presents an attempt to identify and analyse the functions of silent observer in the «Improper Assembly» of the novel F. M. Dostoevsky “The Karamazov Brothers”.

Key words: discourse, dialogue, silent observer, chronotope, space, time.

МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.Ю. Казак

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kazak@bsu.edu.ru

Медiateкст признается базовой категорией многих научных направлений и дисциплин, имеющих в своем имени компонент *медиа-*: *медиалингвистика, медиастилистика, медиакультура, медиаакритика, медиаобразование* и др. Вместе с тем трактовка понятия «медiateкст» далека от однозначности и определенности, как, впрочем, и признание особого статуса медианаук о языке в качестве авто-